

К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта¹

Резюме. Статья посвящена проблеме хронологии ключевого для раннескифской археологии памятника — Келермесского могильника. По мнению автора, следует отказаться от разделения материалов могильника на два этапа, как это некогда было предложено Г. Коссаком. Первостепенное значение для подтверждения хронологии памятника сохраняют комплексы с античными импортами Темир Гора и курган 16 могильника Новозаведенное-II. Их датировку можно и нужно проецировать на материалы Келермесского могильника. Большое значение для определения хронологии памятника сохраняют также изображения на одном из ритонов и знаменитом зеркале из курганов 3/Ш и 4/Ш, исследованных Д. Г. Шульцем в начале XX в., которые имеют несомненные параллели среди сюжетов греческой вазописи. Датировка всего памятника в интервале 650–580 гг. до н. э. выглядит наиболее вероятной.

Ключевые слова: раннескифская культура, Келермесский могильник, хронология.

Maslov V. E. To the chronology of the Kelermes horizon antiquities. The paper is devoted to the chronology of the key archaeological site of Early Scyths — the Kelermes cemetery. In the author's view, the subdivision of the Kelermes materials into two stages should be abandoned, as it has already been suggested by G. Kossack. Of primary importance for the chronology of these materials are two complexes with antique imports: Temir Gora and burial 16 of Novozavedennoe-II. Their dating can and should be projected on the materials of Kelermes. Of great importance for the chronology of the latter are also images on one of the rhytons and on the famous mirror from barrows 3/III and 4/III, studied by D. G. Schultz in the beginning of the XXth century. These images have obvious analogies among the scenes on Greek vases. Most probably the Kelermes cemetery should be dated to the period from BC 650 to BC 580.

Keywords: Early Scythian culture; Kelermes cemetery, chronology.

С момента открытия и публикации сохраняется значение Келермесского могильника как «эталонного» для всей раннескифской культуры. При этом датировка Келермесских курганов является опорной для всей раннескифской хронологии, включая и северокавказские древности. Каковы же причины того, что этот памятник, основные материалы которого получены в ходе плохо документированных дореволюционных раскопок, неизменно сохраняет эту роль? Прежде всего, это наличие «царских» по рангу переднеазиатских сокровищ, которые сами по себе содержат обширную и разнообразную информацию, создающую широкое поле для культурных и исторических реконструкций. Следует признать, что за более чем столетнюю последующую историю археологических исследований ничего подобного больше найдено не было и, возможно,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ — грант 11-01-00278а.

никогда не будет. Единственный сопоставимый с курганами Д. Г. Шульца комплекс — Мельгуновский курган, находится за пределами Северного Кавказа, а гробницы Краснознаменского кургана 1 подверглись опустошительному ограблению. Кроме того, материалы Келермесского могильника содержат почти все образцы ведущих типов инвентаря и разнообразные образы «звериного стиля», характерные для раннескифской культуры. Уникальной особенностью памятника является сочетание дополняющих друг друга курганного и грунтового могильника, открытого ленинградскими/санкт-петербургскими учеными в ходе новых исследований в 80-е — 90-е годы XX в.

Находки из Келермесского курганного могильника всегда находились в центре внимания исследователей и были включены в различные системы периодизации раннескифских древностей. Различные их датировки отражают этапы развития представлений о раннескифской культуре в целом. Поскольку тенденция рассматривать келермесские древности в рамках системных подходов уже прочно укоренилась, в дальнейшем целесообразно будет попытаться объединить ядро из взаимосвязанных синхронных древностей, представленных комплексными находками. Масштабы проблемы позволяют в настоящей статье остановиться лишь на региональных особенностях существования этого горизонта древностей на Северном Кавказе, где стремительное распространение нового комплекса вещей «скифского» типа шире рамок только скифской архаической культуры. Ее влияние, как известно, прослеживается в целой свите северокавказских и закавказских культур, находившихся в разнообразных, зачастую, еще не изученных взаимоотношениях. Ситуация усугубляется тем, что на периферии региона, как это теперь достоверно зафиксировано, с третьей четверти VII в. до н. э. греки начинают осваивать морское побережье.

Рассмотрим эволюцию взглядов исследователей на материалы памятника начиная с 80-х годов минувшего века. Сначала Л. К. Галанина на основании сравнительного анализа предметов конской узды разделила материалы могильника на две условные группы. В первую входили практически синхронные курганы 1/В и 2/В, близкие по сходству погребального обряда и уздечных наборов, содержавших новочеркасские элементы. Для этих комплексов были отмечены многочисленные соответствия с материалами Краснознаменских курганов и предложена дата в пределах третьей четверти VII в. до н. э. Что касается депортированных предметов конской упряжи из двух раскопанных Д. Г. Шульцем курганов — 3/Ш и 4/Ш, то они были сопоставлены с материалами из курганов Ульского 1/1908 г. и Костромского, датированными около рубежа VII–VI вв. до н. э. При этом Л. К. Галанина отмечала, что «отличия в составе конских принадлежностей из курганов 3/Ш и 4/Ш и 1/В и 2/В с учетом сходства погребального ритуала указывают как будто на не слишком большой хронологический разрыв между этими комплексами» (Галанина 1983: 52–53).

Затем, на основании новых датировок импортов исследователь развила свои представления о хронологии могильника, отодвинув датировку наиболее ранних Келермесских курганов к рубежу второй — третьей четверти VII в. до н. э. Она по-прежнему подчеркивала «более молодой возраст кургана 24 (3/Ш или 4/Ш) по сравнению с курганами 1/В и 2/В», но из контекста было ясно, что большого разрыва между ними нет, и существовали промежуточные

комплексы. Так, колчанная застежка из кургана 1/Ш сопоставлялась с застежкой из погребения Темир Горы, датированной по ионийской ойнохое в пределах третьей четверти VII в. до н. э. Таким образом, Л. К. Галанина рассматривала материалы памятника как компактную взаимосвязанную группу древностей, охватывавшую всю вторую половину VII в. до н. э. (Галанина 1997: 178–192).

Практически одновременно с появлением серии публикаций материалов Келермесского могильника появилась схема периодизации скифских древностей, предложенная Г. Коссаком и несколько модернизированная И. Н. Медведской (Медведская 1992: 86 сл.), которая ее детализировала и дополнила ссылками на переднеазиатские археологические материалы. Датировка последних была основана «в большей степени на письменных источниках и анализе исторической ситуации», чем на археологических реалиях (Медведская 1992: 95). Между тем, стремление принудительно связать предметы материальной культуры с письменными источниками, как представляется, путь, полный очевидных опасностей, поскольку нельзя выстраивать хронологию того или иного восточноевропейского памятника по отрывочным сообщениям ассирийских архивов или полулегендарным сведениям античной письменной традиции. В итоге, профессиональные археологи оказались втянутыми в дискуссии, которые, по сути, находятся вне их компетенции. Например, о времени правления последних урартских династий. Другое дело — собственно археологические свидетельства финального существования и гибели урартских крепостей, но такие данные в статье И. Н. Медведской отсутствовали.

Согласно схеме Коссака — Медведской, материалы Келермесского могильника оказались разделены между древностями двух этапов, занимающих промежуток около 100 лет. В группе РСК-2 (700–650 гг. до н. э.) оказались курганы 1/В и 2/В, в переходной группе (около 650 г. до н. э.) — курган 24/Ш, а в поздней РСК-3 (650–600 гг. до н. э.) — остальные курганы, исследованные Д. Г. Шульцем (Медведская 1992: 86–92). Также растянуты во времени по этой схеме и материалы грунтового могильника. Следует отметить, что Л. Н. Галанина сразу достаточно решительно высказалась против удревнения памятника, согласно Г. Коссаку (Галанина 1997: 184).

Первоначально А. Ю. Алексеев, привлекая к датировке памятника данные радиуглеродных анализов, также суммарно датировал Келермесские курганы в интервале 650–580 гг. до н. э. (Алексеев 2003: 33, 35). Исследователь справедливо признавал, что радиоуглеродные даты не могут «уточнить археологическую дату», однако «косвенно подтверждают правомерность тенденции на удревнение некоторых раннескифских памятников». Согласно А. Ю. Алексееву, трактовки cal BC дат подтвердили более ранний возраст кургана 31–2/В по сравнению с курганом 24–3–4/Ш (Алексеев и др. 2005: 147–148). Но по мере расширения банка радиуглеродных дат представления исследователя о возможности их интерпретации изменились, и, как следствие, претерпели значительные изменения взгляды и на сам памятник. Ныне Келермесский могильник уверенно делится А. Ю. Алексеевым на «старшую» и «младшую» группы курганов. Причем предполагается, что, возможно, они были разделены значительным промежуток времени. Согласно последней версии, курганы «старшей» группы могли быть сооружены еще до начала переднеазиатских походов скифов — до начала 670-х годов до н. э. (не исключается и VIII в. до н. э.), тогда как

«младшие» курганы были возведены после вероятного возвращения на Северный Кавказ скифов поколения царя Бартатуа приблизительно в середине VII в., или скифов царя Мадия в самом конце VII в. до н. э. Близость радиоуглеродной даты келермесского кургана 2/В к датам трех совершенно разнородных памятников — кургана 15 могильника Стеблев в Приднепровье, пог. 3 Гумаровского кургана в Южном Приуралье и кургана 1 Уашхиту в Закубанье, по мнению исследователя, «надежно свидетельствует об одновременном существовании в Восточной Европе в VIII–VII вв. до н. э. носителей разных по происхождению этнокультурных традиций эпохи ранних кочевников» (Алексеев 2008: 8–9). Таким образом, современные представления А. Ю. Алексеева о начале функционирования Келермесского могильника практически сомкнулись с взглядами И. Н. Медведской.

Рассмотрим подробнее различные аспекты датировки раннескифских материалов. Излишне дискутировать о том, что лишь немногие исторические события этой эпохи отражены в сохранившихся источниках. На нынешнем этапе исследований невозможно интерпретировать различные группы раннескифских древностей, прямо увязывая их с событиями, известными по письменным источникам, разделяя их на «допоходные» или «послепоходные». Тем более невозможно связывать их с конкретными историческими персонажами, имеющими хронологические привязки. Следы же контактов с государствами Переднего Востока прослеживаются уже в древностях новочеркасского горизонта. Находки предметов раннескифской культуры, связанные с функционированием кавказских перевалов, красноречиво свидетельствуют о том, что скифская культура распространялась разными маршрутами и едва ли одномоментно, хотя и достаточно быстро. Весьма вероятно, что разнообразные контакты между Закавказьем и Северным Кавказом какое-то время осуществлялись на регулярной основе. Все исследователи признают, что в этот процесс были активно вовлечены северокавказские племена — носители различных местных культур.

Согласно А. Ю. Алексееву, курганы Веселовского могут быть теперь помещены даже в круг древностей этапа РСК-1, по схеме И. Н. Медведской. К древностям этого этапа на Северном Кавказе ей были отнесены немногочисленные разнородные комплексы, содержавшие отдельные предметы скифских типов. Более того, эти предметы или являются отдельными плохо документированными находками в новочеркасском контексте, или включены в инокультурную — определенно не скифскую среду, как, например, клювовидная пронизь в комплексе из кургана 1921 г. Каменноостовского могильника. Следует подчеркнуть, что и ныне к собственно «скифским» древностям можно отнести лишь курган 9 Краснознаменского могильника, для которого В. Г. Петренко (1990: 74–75) предложена дата в пределах первой половины — середины VII в. до н. э. Однако эта принадлежность вытекает не столько из состава комплекса находок в этом кургане, имеющих переходный характер, а исходя из общего контекста обнаружения этих находок в курганном могильнике, который входит в число важнейших памятников келермесского горизонта. Необходимо учитывать, что центральная гробница «царского» кургана 1 Краснознаменского могильника, возможно, также была возведена в докелермесский период.

Начиная с 90-х годов минувшего века в изучении финальных предскифских древностей произошли значительные подвижки. Различные исследователи

пытались систематизировать и уточнить хронологию данного пласта, и, в целом, их взгляды развивались в общем направлении.

С. А. Скорый, обращаясь, прежде всего, к составу колчаных наборов, выделил на материалах украинской Лесостепи финальный киммерийский комплекс, который состоит из «чистых» новочеркасских древностей 1-й группы, и переходной, смешанной киммерийско-скифской 2-й группы, которую он датировал в пределах первой четверти VII в. до н. э. (Скорый 1999: 61–63).

По материалам Северо-Западного Кавказа В. Р. Эрлих также разделил «классические новочеркасские» древности и древности переходного «раннежаботинского горизонта», в который он включил все комплексы РСК-1 по И. Н. Медведской (Эрлих 2007: 179–180). В итоге, в рамках предскифского горизонта оказались весьма разнородные памятники, как содержавшие лишь отдельные протоскифские элементы «в новочеркасском контексте» — курган 1 Уашхиту, Квитки и Ольшана, с одной стороны, так и отдельные новочеркасские элементы на фоне нового культурного комплекса — курган 524 у с. Жаботин, находки у хут. Алексеевского.

С. Б. Вальчак, детально рассмотревший формирование и эволюцию групп предскифских уздечных комплектов, справедливо отметил, что горизонт древностей, объединенный конским снаряжением «классического новочеркасского типа», несомненно, был доминирующим на всей территории Восточной Европы в финале предскифского периода и является единственным сопоставимым по масштабам и значению с раннескифским (Вальчак 2009: 93–94). Наблюдается экспансия носителей новочеркасского культурного комплекса с территории Северного Кавказа в различных направлениях. Так, в Приднепровской лесостепи появляются элитные подкурганые воинские комплексы с золотыми изделиями — Квитки, Ольшана, которым на Северном Кавказе соответствуют захоронения в курганах 1 и 2 могильника Уашхиту; новочеркасские комплексы появляются в Поволжье (Сергацков 1991: 240–244). Последующее или даже отчасти синхронное появление переходных — жаботинских — памятников фиксируется только на Северо-Западном Кавказе, Центральном Предкавказье и в Среднем Поднепровье — т. е. в тех районах Восточной Европы, где отмечено наибольшее сосредоточение памятников с классическими новочеркасскими формами вооружения и конского снаряжения. Однако, к сожалению, внутри этой группы памятников по-прежнему нет надежных, общепринятых хронологических реперов.

Это хорошо видно на примере кургана 1 могильника Уашхиту. Хотя погребальные конструкции в нем превосходят шатровые конструкции келермесского этапа, среди находок в данном комплексе нет ничего собственно скифского. Более того, именно новочеркасская составляющая колесничных комплектов узды явно их объединяет со схожим комплексом из погребения 9 в соседнем кургане 2, что позволяет считать их синхронными в рамках относительной хронологии (Эрлих 2007: рис. 81; 83). Что касается абсолютной хронологии, то совсем нельзя исключать того, что разрыв между этими захоронениями составлял, возможно, всего лишь несколько лет, и, отнюдь не столь очевидно, какое из них было совершено раньше. Так, эпонимные псалии из кургана 1 имеют явные следы влияния новочеркасских образцов (Эрлих 2007: 129, рис. 81: 1, 3; цветная вкладка — рис. 12): почти прямой округлый

стержень, оканчивающийся расширенной остроугольной лопастью, который, скорее всего, восходит даже не к классическим, а к предклассическим новочеркасским (по С. Б. Вальчаку) прототипам (Вальчак 2009: 67, рис. 82). Едва ли эта лопасть раскованная, как на это указывает В. Р. Эрлих: судя по кольцевому валику у основания лопастей — экземпляры цельнолитые. Возможно, что они являются самыми ранними из сравнительно небольшой серии «сиалковских» псалиев в переходных комплексах.

Но наиболее причудливое смешение разнородных предметов узды можно проследить по находкам из Ходжохского кургана 2, где сиалковские псалии из основного погребения содержат явные морфологические черты псалиев классической новочеркасской схемы². Они находились в комплекте с новочеркасскими же удилами (Эрлих 2007: 130–131, рис. 118: 1–2). Вероятное существование некоторого хронологического разрыва между курганом Уашхиту 1 и курганом 2 близ Ходжоха демонстрируют уздечные бляшки, которые различаются деталями: хорошо заметно упрощение схемы солярной орнаментации на ходжохском экземпляре (Эрлих 2007: рис. 200: 4–5).

В целом, все исследователи высказались в пользу постепенной смены вещевого набора в предскифский период (Вальчак 2009: 74–77), которая, однако не исключает сосуществования различных по культурному происхождению вещевых комплексов. Согласно этим разработкам, на заключительном этапе своего существования классический новочеркасский культурный комплекс сосуществует с жаботинским (Эрлих 2007: 179–180), а, по С. Б. Вальчаку, и с келермесским (Вальчак 2009: 93–94). Но если значительная часть переходных комплексов, так или иначе «вживлена» в новочеркасский контекст, то, ни в одном комплексе, который можно уверенно соотнести с келермесским горизонтом, не было пока найдено полного комплекта новочеркасского уздечного набора в его классических формах, и это, возможно, лучший показатель асинхронности келермесских и новочеркасских древностей. Кроме того, как известно, для келермесского горизонта характерно преобладание полностью или частично железных уздечных наборов.

В то же время, ряд комплексов с сиалковскими псалиями может быть включен в состав келермесского горизонта. Так, погребение 27 Келермесского грунтового могильника, где найден предельно упрощенный железный комплект таких псалиев, нельзя отделить от остальных грунтовых захоронений и материалов из курганов. В нем также присутствовали пронизка-распределитель с орнаментацией в виде четырехлучевой звездочки и круглое зеркало с бортиком и петлей на обороте (Галанина 1985: рис. 4). Наиболее близкая орнаментация представлена на пронизках из Южной гробницы кургана 1 Краснознаменского могильника (Петренко 2006: табл. 50: 57). Зеркала же пока вообще не были найдены в докелермесских комплексах. Согласно С. А. Скорому, бытование сиалковских псалиев могло продолжаться до конца VII в. до н. э. — курган 6 у Яснозорья (Скорый 2003: 35, табл. 19–21). Сходной точки зрения придерживается и В. Р. Эрлих (Эрлих 2007: 130).

² Любопытно, что практически аналогичные псалии из Каневского уезда С. Б. Вальчак отнес к типу Уашхиту, тогда как ходжохский экземпляр — к типу «Жаботин 524» (Вальчак 2009: 66–68, рис. 66: 3; 67: 3).

Особенно большое значение приобретает для нас входящий в состав жаботинского горизонта курган 2 у с. Жаботин, очевидно, хронологически очень близкий к уже упомянутому кургану 524 (Скорый 2003: 37–38). Несмотря на архаичные стилистические черты, декор костяных пластин и пронизей из этого комплекса уже гораздо более определенно связан с келермесскими древностями. Важным ориентиром является сравнение жаботинских копытных с фигурками козлов на обухе келермесской секиры (Зуев 1993: рис. 7: 1, 22). Вероятная дата создания последней, по С. В. Киселю, «первая — вторая треть VII в. до н. э.» (Кисель 2003: 44). Допустимо предположение, что время изготовления жаботинских предметов находится в этих же пределах или несколько позднее: в пределах второй четверти — середины этого столетия. В пользу более поздней даты свидетельствует орнамент на роговых псаляях, найденных в этом комплексе, параллели которому имеются на рельефах Ашшурбанипала и костяной планке из Кармир-Блура (Могилов 2008: 102–103, рис. 191; 192). В Келермесском могильнике не встречено предметов с подобным декором, однако на Кавказе они известны в составе комплексов из кургана 16 Нартанского могильника и погребения 106 Самтаврского могильника. Таким образом, мы получаем важный ориентир для нижней границы самых ранних келермесских материалов, перекрытых жаботинским пластом.

Прежде чем перейти к рассмотрению собственно материалов Келермесского могильника, необходимо все же упомянуть лишь косвенно интересующий нас комплекс кургана 15 Стеблевского могильника. Материалы этого погребения достаточно подробно прокомментировал В. Р. Эрлих, который убедительно обосновал, что дату данного комплекса нельзя отрывать от традиционной (по Л. К. Галаниной) датировки Келермесских курганов (Скаков, Эрлих 2005: 203–204). Можно предположить, что если бы не присутствие среди находок боевого молота, то это погребение вообще не было бы особо выделено исследователями. В ходе обоснования его невероятно ранней датировки было приведено совершенно не корректное сопоставление серийных железных трехпестельчатых псалий с морфологически отличными бронзовыми псалями с Северного Кавказа, Уйгарака и Сиалка (Клочко, Скорый 1993: 78–79). Кроме того, отдельные наконечники стрел, напоминающие стеблевские, встречаются в погребениях келермесского горизонта Днепровского Левобережья (Ильинская 1968: табл. XI: 7; XXXIX: 8), Приднестровья (Смирнова 1993: рис. 2: 1) и даже в Келермесском могильнике (Галанина 1997: рис. 27: 22).

Особенно важно присутствие новочеркасских элементов в составе раннескифских комплексов Келермесского могильника, поскольку оно лежит в основе разделения могильника на две группы. К их числу можно отнести геометрический декор накладных пластин из золотой фольги (1/В) (Галанина 1997: табл. 17: 115–116; 18: 129–130); четырехлепестковые бронзовые бляхи с солярными знаками (2/В) (Галанина 1997: табл. 18: 294–297); крупные бронзовые трехпрорезные цилиндрические пронизы, декорированные солярными знаками (2/В) (Галанина 1997: табл. 23: 285–286); солярные значки, вставленные в зооморфные изображения на щитках роговых пронизей (1/В) (Галанина 1997: табл. 21: 176–177, 183–184; 22: 239); солярные значки на зооморфных изображениях бронзовых пронизей (2/В) (Галанина 1997: табл. 23: 287–288); железные двуколычатые удила (2/В и 24) (Галанина 1997: табл. 17: 298а; 25: 346).

Кроме того, солярные значки имеются на бубенцах наверший из курганов Веселовского и кургана 3/Ш (Галанина 1997: табл. 44: 44, 67, 302).

К своеобразным рудиментам переходного периода С. Б. Вальчак относит и крестообразные знаки в прямоугольных рамках, представленные на бронзовых удилах с шашечным рифлением из кургана 24 (Галанина 1997: табл. 17: 78). В них он видит продолжение традиции декорирования псалиев варианта «Жаботин 524» новочеркасскими солярными символами (Вальчак 2009: 77).

Возможно также, что декор новочеркасских уздечных бляшек воспроизведен на золотых нашивных бляшках из кургана 1/В, орнаментированных пятью полусферическими выступами, расположенными крестообразно (Галанина 1997: табл. 27: 93–94; Эрлих 2007: рис. 198: 4–5, 10).

Орнамент золотых накладок на конскую сбрую из кургана 1/В можно сопоставить с орнаментом на четырех золотых накладок-аппликаций, не связанных с уздой, происходящих из материалов кургана 20 могильника Нартан (Батчаев 1985: 41, табл. 48: 54). При различиях в деталях их объединяет композиционное сходство: комбинация центрального солярного значка, окруженного бегущей спиральной волной, составленной из S-овидных завитков. В Келермесском могильнике он дополнен пятизавитковой звездой. Орнаментальные параллели келермесским накладкам среди новочеркасских древностей сравнительно немногочисленны (Тереножкин 1976: рис. 17: 9–10; 93: 9–10). Л. К. Галанина привела им закавказские и переднеазиатские орнаментальные аналогии из Тель-Атчана (Алалаха) и Лори-Берда и, с учетом сочетания с уздечными наборами, датировала их третьей четвертью VII в. до н. э. (Галанина 1997: 124). Использование орнаментальной композиции, вероятно имеющей переднеазиатские истоки, и драгметалла позволяет поставить вопрос о месте изготовления келермесских пластин. Совсем нельзя исключать того, что они являются переднеазиатскими импортами или подражаниями им.

С курганом 20 Нартанского могильника Келермесский курган 2/В сближает не только находка железных двуколычатых удил, но и наличие крупных бронзовых цилиндрических пронизей с тремя прорезями. Подобные пронизи являются развитием колесничных пронизок новочеркасского горизонта древностей, от которых они отличаются лишь деталями оформления (Эрлих 2007: 136–137). Число комплексов келермесского горизонта, содержавших колесничные комплексы, очень мало. Все они были открыты в Центральном Предкавказье: это курганы 20 и 22 Нартанского могильника, Южная гробница кургана 1 и курганы 3 и 6 Краснознаменского могильника, курганы 2 и 7 могильника Новозаведенное-II, а также набор предметов из Пятигорского музея, который, по-видимому, является частью колесничного комплекта (Петренко 2006: 68–72, рис. 2). Если исходить из числа комплектов узды и их расположения в гробнице кургана 20 Нартанского могильника, там или находилась колесница, или же ее символизировали компактно уложенные лошади с упряжным комплектом. Судя по наборам узды, она предназначалась для четырех лошадей, но в публикации говорится только о двух (Батчаев 1985: 40–42, табл. 48: 1–12). Возможно, к парной упряжке были доложены еще два комплекта удил, также как в Южной гробнице кургана 1 Краснознаменского могильника. В пользу того, что лошадей все же было четыре, свидетельствует находка четырех ажурных блях-пронизей с солярными значками — прямое развитие колесничных блях из Уашхиту

и Ходжоха. Комплект дополняли четыре подпружные пряжки, в которых В. Г. Петренко также видит развитие новочеркасских форм (Батчаев 1985: табл. 48: 20–21).

Эволюционные изменения прослеживаются и для четырехлепестковых блях, подобных тем, которые были найдены в кургане 2/В (Вальчак и др. 2011: 42, рис. 2). На Северном Кавказе похожая бляха в памятниках келермесского горизонта была найдена только в кургане 1984 г. на юго-западной окраине г. Ставрополя, в подкурганной каменной гробнице, схожей с каменными гробницами Краснознаменского могильника (Охонько, Петренко 1992: 50–52).

Келермесские цилиндрические пронизи как будто не были связаны с повозкой, хотя такую возможность нельзя совершенно исключать. Косвенно в пользу того, что повозки в курганах 1/В и 2/В все же были, свидетельствует находка наверхий, которые часто с ними связывают. В кургане 2/В пронизи находились в комплекте с редкими уздечными бляшками-пронизками, оформленными в зверином стиле, единственная аналогия которым содержится в комплектах четырех упряжных лошадей в кургане 6 Краснознаменского могильника (Галанина 1997: 130, табл. 23: 287–288; Петренко 2006: табл. 61: 178, 183; 62: 187, 192).

В состав упряжного набора из Пятигорского музея входит комплект редких бронзовых псалиев с архаичными чертами, нижний конец которых оформлен в виде трех кружков, таких же как на уздечных перстневидных бляшках из кургана 2/В (Махортых 1991: 70, рис. 28: 1; Галанина, 1997: табл. 23: 264).

Сходство между «колесничными» комплексами будет еще выше, если учесть, что в курганах 1/В, 20 Нартанского могильника и 6 Краснознаменского могильника были найдены бронзовые шлемы кубанского типа в сочетании с двуручными бронзовыми «ситулами».

Таким образом, речь идет об очень узкой хронологической прослойке внутри келермесского горизонта, датировка которой должна колебаться вокруг датировки Южной гробницы 1 Краснознаменского могильника: в пределах середины — третьей четверти VII в. до н. э. Вполне возможно, что новочеркасские черты в этих комплексах, несмотря на доминирующий новый вещевой набор, вовсе не рудимент, а важнейшая культурная составляющая. К числу заимствований можно отнести саму идею захоронения с колесницами, вместе с сопровождающими их бронзовыми сосудами, совершенно однотипными с найденными в новочеркасских комплексах могильника Уашхиту и Квитки.

Одновременно, в комплексах кургана 20 Нартанского могильника и Краснознаменского кургана 6 содержатся находки, отражающие восточное влияние. В первом случае это редкие формы наконечников стрел: двулопастной, с массивной сводчатой головкой и короткой втулкой, а также базисный трехгранный со скрытой втулкой. Такие наконечники присутствуют в составе стрелковых наборов могильника Уйгарак (Батчаев 1985: табл. 48: 33, 35; Вишневская 1973: табл. I: 11; XVIII: 24). Во втором случае это муфтообразные пронизи, оканчивающиеся изображением копыта, аналогии которым известны в материалах тагарской культуры (Членова 1967: 64, табл. 15: 6–8) (рис. 1: 1–2).

Следует особо остановиться на фрагментах керамики из кургана 1/В: не исключено, что среди них содержатся фрагменты импортной корчаги. В каталоге Л. К. Галаниной и таблицах иллюстраций они приведены под номером 104 (Галанина 1997: 142, 144, табл. 34: 104). Не вызывает сомнений, что здесь

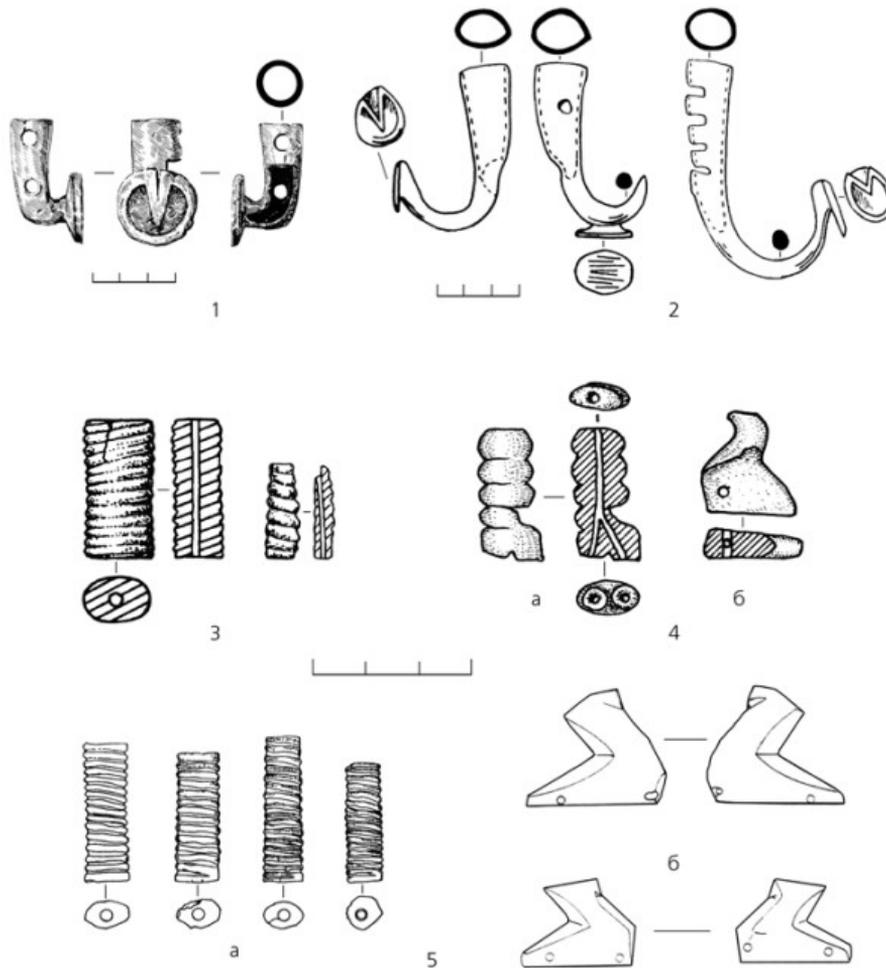

Рис. 1. 1 — бронзовые муфтообразные пронызы, курган 6 Краснознаменского могильника; 2 — бронзовые налучья (?); 3 — янтарные бусы, курган 7 могильника Новозаведенное-II; 4а-б — янтарные бусы, Южная гробница кургана 1 Краснознаменского могильника; 5а-б — янтарные бусы, храм Артемиды Эфесской (1, 3-4 — по Петренко 2006; 2 — по Членова 1967; 5 — по Vammer 1990).

Fig. 1. 1 — bronze strap-separator, burial mound 6 of Krasnoznamenensky cemetery; 2 — bronze bow endings (?); 3 — amber beads, burial mound 7 of Novozavedennoe-II cemetery; 4a-b — amber beads, South tomb of burial mound 1 of Krasnoznamenensky cemetery; 5a-b — amber beads, the Temple of Artemis at Ephesus (1, 3-4 — after Петренко 2006; 2 — after Членова 1967; 5 — after Vammer 1990).

представлены фрагменты двух различных сосудов. Аналогии первому — краю открытой формы с валиком, смоделированным для крышки, мне не известны. Однако не исключено, что этот сосуд мог быть выполнен с использованием поворотного устройства.

Фрагменты второго сосуда относятся к крупной чернолощеной корчаге с выпуклым плечиком, на котором был прочерчен геометрический орнамент в виде рядов зигзагов (?) не менее чем из трех лент, заполненных штриховкой (рис. 2: 3). В публикации фрагменты с орнаментом ориентированы не верно. Ряд особенностей декора и присутствие в составе керамического теста ракушки позволяют очень осторожно связывать происхождение этой находки с Центральным Предкавказьем — районом Ставропольских высот. Близкие по декору и характеру нанесения орнамента корчаги присутствуют в комплексах курганов 7 и 9 Краснознаменского могильника (Петренко 2006: табл. 71; 72: 268) (рис. 2: 2, 4). Известна подобная посуда и на поселениях близ г. Ставрополя, где имеются обширные выходы ракушечника, который использовался в качестве дресвы (Охонько 1988: рис. 12: 3–4). Традиция орнаментации этой группы сосудов из Краснознаменского могильника, вероятно, связана с племенами западного варианта кобанской культуры, заселившими Ставропольскую возвышенность в предскифский период (Петренко 2006: 92). Если это предположение верно, то мы получим дополнительный аргумент в пользу синхронизации Краснознаменского могильника и курганов Веселовского.

Все вышеперечисленные комплексы входят в группу РСК-2 по И. Н. Медведской. Различие со следующим этапом РСК-3, согласно исследовательнице, сводится к смене типов зеркал и исчезновению роговых псалиев с зооморфными окончаниями. Для стрелкового набора РСК-2 характерно преобладание сочетаний трехлопастных длинновтульчатых наконечников с листовидной формой пера с архаичными овально-ромбическими двулопастными наконечниками, которые затем сменяются наборами с «жальцами» (Медведская 1992: 94–95). Первоначально подобное разделение было предложено Г. Коссаком для того, чтобы искусственно разделив келермесский горизонт древностей на два этапа, «избавить» часть комплексов от воздействия датировок античных импортов (Медведская 1992: 86).

Сомнения в правомерности такого разделения, как и всей схемы в целом, весьма велики и уже высказывались ранее (Скорый 2003: 32–40). Что касается зеркал с боковой ручкой, то они, очевидно, были известны уже в предскифский период, хотя и не встречены в погребениях (Алексеев 2005: 161–166). Также в предскифский период появляются первые наконечники с боковыми шипами, которые затем никуда не исчезают, а бытуют до VI в. до н. э. В переходный период они уже представлены достаточно большими наборами: хут. Алексеевский; Сержень-Юртовское поселение, слой разрушения (Махортых 1990: рис. 14: 1–4; Козенкова 1982: табл. XI: 4–6). Роговые псалии с зооморфным оформлением, безусловно, встречаются и в комплексах начала — середины VI в. до н. э. Так, они найдены в одном из позднейших курганов могильника Новозаведенное-II — кургане 6 (Петренко и др. 2006: рис. 4: 7). Рубежом VII–VI — началом VI в. до н. э. по стрелковому набору можно датировать комплекс кургана 23 Нартанского могильника, где также содержатся роговые псалии (Батчаев 1985: табл. 53: 4–5).

Одним из аргументов в пользу разделения Келермесского могильника на две группы является мнимое отсутствие в курганах Д. Г. Шульца новочеркасских элементов. Но это далеко не так. Как уже упомянуто выше, соляренный значок, восходящий к предскифским прототипам, есть на навершии из кургана 3/Ш

(Галанина 1997: рис. 34). Он точно такой же, как на навершиях из курганов 1/В и 2/В. Очень близки и сами навершия. Из кургана 3/Ш происходят также бронзовый шлем кубанского типа и фрагменты двуручной ситутлы, аналогичные последней встречены в элитных погребениях предскифского горизонта и раннескифского времени, а из кургана 24 — железные двуколычатые удила.

В могильнике Новозаведенное-II золотые бляшки-аппликации с солярной четырехлучевой звездой, восходящей к орнаментике предскифского времени, были встречены в целой серии курганов: 7, 12, 13, 14, 16 (Петренко и др. 2000: 238, рис. 1: 2; 2–3; Петренко и др. 2004: рис. 9: 4–5). Наиболее важен комплекс кургана 16, датированный греческой импортной керамикой временем около 600 г. до н. э. (Маслов 2010: 51 сл.), который показывает, что бытование предметов с «предскифской символикой» внутри келермесского горизонта древностей продолжалось вплоть до рубежа VII–VI вв. до н. э. Более того, бронзовая пронизь для перекрестных ремней с четырехлучевой звездой происходит из кургана 24 Нартанского могильника, надежно датированного пронизьями с изображениями в зверином стиле в пределах первой половины V в. до н. э. (Батчаев 1985: табл. 53: 26). Но, возможно, в данном случае — это вторично использованный предмет.

На роговых изображениях «бараноптиц» из курганов 1/В и 2/В имеются выступы на темени, вероятно, появившиеся под воздействием образа греческого архаического искусства — грифона (Канторович 2007: 244–245, рис. 2: 1–2; 3: 9–10). Такие грифоны, но уже без выступов, представлены на навершиях из кургана 3/Ш Келермесского могильника (Галанина 1997: табл. 6: 218). Круг аналогий роговым бараноптицам с выступами весьма невелик и происходит из кургана 7 могильника Новозаведенное-II и кургана близ г. Новопавловск (Канторович 2007: рис. 3: 20; 4: 2). Более отдаленной параллелью является навершие рогового псаля из Хасанлу III (Канторович 2007: рис. 1: 13). Ближайшие аналогии навершиям также содержатся в материалах могильника Новозаведенное-II — это навершия из кургана 9, на которых, однако, имеется лобовой выступ (Канторович 2007: рис. 8: 6). Нельзя исключать того, что новозаведенские и келермесские навершия с изображениями грифона могли быть выполнены греческими мастерами или изготовлены с использованием в качестве наглядного прототипа греческих предметов.

В кургане 7 могильника Новозаведенное-II найдена бронзовая чаша, ближайшей аналогией которой является золотая чаша (внешняя) из кургана 1/Ш, которую считают урартским изделием, сделанным под ассирийским влиянием (Кисель 2003: 66–68, рис. 65; Петренко и др. 2004: рис. 8: 1). Таким образом, среди находок в этом кургане содержатся параллели предметам как из курганов «старшей», так и «младшей» группы.

Это далеко не единственный пример близкого соответствия находок из курганов воинской знати в Центральном Предкавказье и элитарных комплексов Северо-Западного Кавказа. Так, в Новозаведенских курганах могильников I и II были найдены уздечные пронизки-распределители с редким комбинированным изображением когтя и головки хищной птицы, дополненным звериной головкой, известные в материалах кургана 24 Келермесского могильника (3/Ш или 4/Ш), Ульского кургана 1 1910 г. и кургана 2 1909 г. (Петренко 1990: 68; Кореняко 2001: 55, 57, рис. 4: 2; Галанина 1997: табл. 24: 380; Галанина 1999: 64,

рис. 1: 11–13; Erlikh 2010: fig. 5: 5) (рис. 2: 1). Необходимо напомнить, что в кургане 1 могильника Новозаведенное-I подобная пронизка была найдена вместе с ассирийской бронзовой чашей, очевидно, входящей в тот же горизонт импортов, что и находки из курганов Д. Г. Шульца (Кисель 2003: 72–73).

Из кургана 1 1908 г. Ульского могильника происходит нашивная бляшка с изображением пантеры³, имеющая полные аналогии среди материалов кургана 16 могильника Новозаведенное-II (Петренко и др. 2000: 243, рис. 4: 1–2). Сходство настолько велико, что можно предполагать, что данные бляшки были выполнены с использованием одной матрицы.

Нам уже приходилось писать, что роговые цилиндрические пронизи с фигуркой свернувшегося хищника из кургана 16 могильника Новозаведенное-II аналогичны пронизям из келермесского кургана 24 (Галанина 1997: 128, табл. 24: 374–376), а очень близкие фигуры украшают такие же пронизи из келермесского кургана 2/В (Галанина 1997: табл. 22: 258–259; Петренко и др. 2000: 243, рис. 4: 5–7).

В кургане 24 Келермесского могильника и в кургане 16 могильника Новозаведенное-II обнаружены серии костяных вставок для мебели или ларцов (Галанина 1997: табл. 31: 321–325; Петренко и др. 2000: 243, рис. 4: 12–13). Подобные вставки были найдены в помещениях 4 и 13 Кармир-Блура и ранних слоях храма Артемиды Эфесской (Пиотровский 1950: 51, 53; Hogarth 1908: Pl. XL: 1–10, 13–16). В этих слоях обнаружены другие находки, имеющие параллели в Келермесском могильнике: костяная фигурка кабана, которая соотносится с изображением кабанов на ручке золотой секиры из кургана 1/Ш; костяная пластинка с изображением богини, держащей двух пантер, которую можно сопоставить с изображением богини на зеркале из кургана 4/Ш (Hogarth 1908: Pl. XXVI: 3a, б).

В число находок из храма Артемиды Эфесской, имеющих прямые аналогии среди материалов скифских курганов в Центральном Предкавказье, следует также отнести и бусы: янтарные с винтовой нарезкой (курган 7 могильника Новозаведенное-II и Южная гробница кургана 1 Краснознаменского могильника — Hogarth 1908: Pl. XVII: 5, 7, 10; Петренко 2006: табл. 57: 234; Петренко и др. 2004: рис. 9: 17) (рис. 1: 3–4a), а также в виде птичьих фигурок (?) (курган 1 Краснознаменского могильника — Петренко 2006: табл. 57: 238) (рис. 1: 4б). Подобные бусины входят в состав большого клада янтарных бус из святилища в Эфесе, содержавшего также фрагменты бронзовых статуэток геометрического периода, который авторы раскопок датируют в пределах конца VIII — середины VII в. до н. э. (Vammer 1990: 150, 153, fig. 25; 26) (рис. 1: 5). А. Баммер считает, что эти бусы украшали статую божества. Особое значение он придает так называемым бусинам «teardrop», которые он связывает с культом плодородия, предшествующего собственно культу Артемиды. Похожие бусины также присутствовали в материалах кургана 7 могильника Новозаведенное-II (ср. Vammer 1990: Pl. XXI: b, c; Петренко и др. 2004: рис. 9: 21). Нельзя исключать,

³ В. Р. Эрлих почему-то не поместил эту золотую бляшку, как и бляшки с изображениями оленей, в состав комплекса из кургана 1 1908 г. (Erlikh 2010: fig. 3). В составе находок из более позднего кургана 1 1909 г. присутствует золотая бляшка, которая, очевидно, является развитием данного изображения (Erlikh 2010: fig. 4: 21).

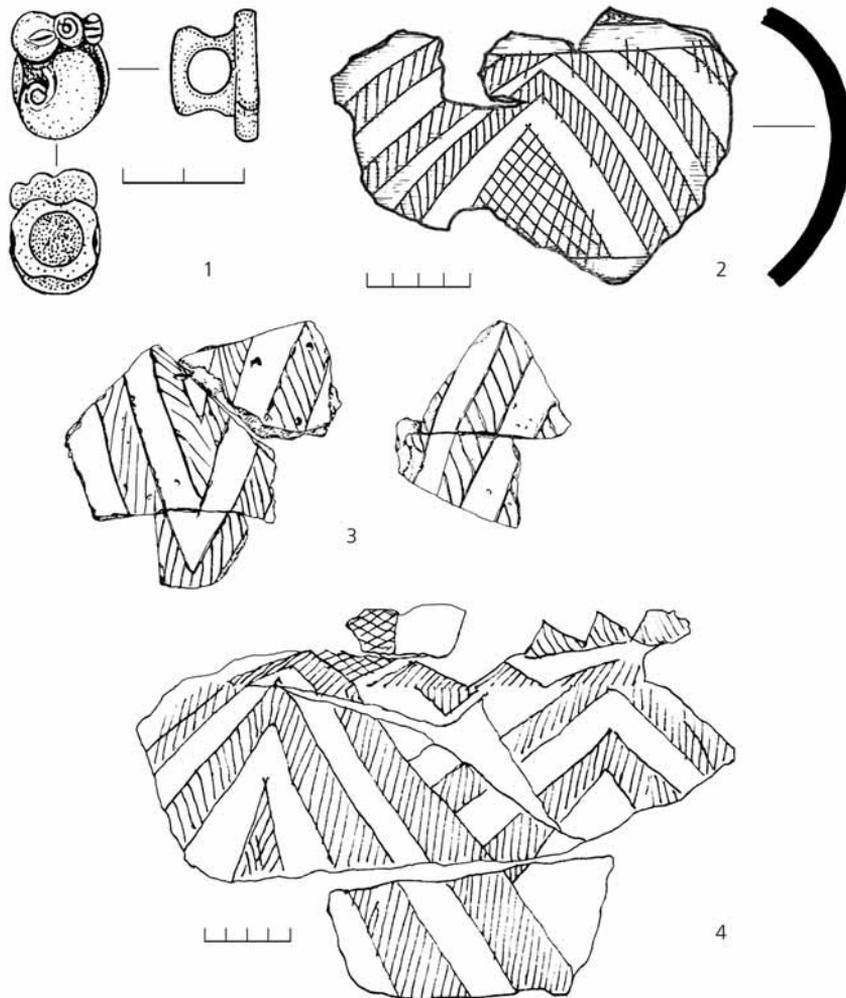

Рис. 2. 1 — уздечная пронызь, курган 1 могильника Новозаведенное-I; 2 — фрагмент корчаги, курган 9 Краснознаменского могильника; 3 — фрагмент корчаги, курган 1/V Келермесского могильника; 4 — фрагмент корчаги, курган 7 Краснознаменского могильника (1 — бронза; 2–4 — керамика; 1 — по Кореняко 2001; 2, 4 — по Петренко 2006; 3 — по Галанина 1997).

Fig. 2. 1 — bridle strap-separator, burial mound 1 of Novozavedennoe-I cemetery; 2 — fragment of a large pot, burial mound 9 of Krasnoznamensky cemetery; 3 — fragment of a large pot, burial mound 1/V of Kelermessky cemetery; 4 — fragment of a large pot, burial mound 7 of Krasnoznamensky cemetery (1 — bronze; 2–4 — clay; 1 — after Кореняко 2001; 2, 4 — after Петренко 2006; 3 — after Галанина 1997).

что появление клада связано с разорением храма Артемиды Эфесской киммерийцами в 40-е гг. VII в. до н. э. (Иванчик 1996: 119–122).

Таким образом, есть все основания считать, что все находки из Келермесского могильника очень тесно взаимосвязаны и укладываются в достаточно

узкий хронологический промежуток. Можно только гадать, насколько велик разрыв между временем возведения отдельных курганов, но, как представляется, он не должен превышать одного — трех десятилетий, а в ряде случаев, возможно, и нескольких лет. Материалы разных комплексов не могут быть разбиты на две различные группы — это единый горизонт древностей, включающий единые образы «звериного стиля», типы наверший, шлемы кубанского типа, которые пока не встречены в комплексах VI в. до н. э., схожие бронзовые ситулы (Галанина 1997: рис. 34). В основании этого горизонта, возможно, так же как в могильнике Новозаведенное-II, находится комплекс с элементами колесничной сбруи — курган 2/В (вне зависимости от того, была ли там собственно колесница или нет). Вместе с курганом 1/В он демонстрирует теснейшую связь с соответствующими комплексами Нартанского и Краснознаменского могильника, которые имеют «новочеркасский» шлейф. Нет никаких оснований для того, чтобы объявлять эти два кургана «допоходными» и отрывать от остальных захоронений могильника, как нет этого ни в Нартанском, ни в Новозаведенском, ни в Краснознаменском могильниках.

Что касается письменных источников, то их анализ не может служить основанием для конкретной датировки материалов могильника и вовсе не добавляет объективности рассуждениям исследователей. Для определения хронологического положения Келермесского могильника параллели с комплексами, содержащими античные импорты, важнее имеющих переднеазиатских импортов, поскольку последние, как правило, имеют достаточно широкие даты. Образы ассирийской, а впоследствии ахеменидской культовой иконографии были, очевидно, весьма устойчивы и последовательно воспроизводились на протяжении больших отрезков времени. Последнее относится и к изображению на обойме, украшавшей дышло колесницы в кургане 1 Краснознаменского могильника (Кисель 2003: 83). Поэтому первостепенное значение сохраняют датировки погребений с греческой керамикой из Темир Горы и кургана 16 могильника Новозаведенное-II, которые можно проецировать на материалы Келермесского могильника. Большое значение для определения хронологии памятника сохраняют также изображения на одном из ритонов и знаменитом зеркале из курганов 3/Ш и 4/Ш, имеющие, как известно, несомненные параллели среди сюжетов ориентализирующей греческой вазописи. В. А. Кисель датировал ритон второй третью — концом VII в. до н. э., а зеркало — 670–640 гг. до н. э. (Кисель 2003: 80, 99). Представляется, что данная датировка несколько занижена: ближайшие аналогии сюжетам торевтики среди вазописи можно найти на сосудах, изготовленных в 30–20-е годы VII в. до н. э. (Kerschner, Schlozthauer 2005: fig. 20; 25–26). Ойнохоя Леви, на которую ссылался В. А. Кисель, ныне датируется временем около 630 г. до н. э., значительно омоложена также датировка сосудов «группы Лондонского диноса» (Кисель 2003: 98; Kerschner, Schlozthauer 2005: 8, 25). На этом фоне, датировка всего памятника в интервале 650–580 гг. до н. э., которой некогда придерживался А. Ю. Алексеев, выглядит достаточно обоснованной (Алексеев 2003: 33, 35).

Келермесский горизонт древностей не исчезает с концом функционирования собственно Келермесского могильника. Несколько видоизменившись, он продолжает существовать в первой и второй четвертях VI в. до н. э. Особенно показателен комплекс погребения 3 в кургане 3 могильника Аксай I, где вещи

келермесских типов встречены совместно со среднескифскими, в том числе с фрагментом крестообразной бляхи «ольвийского» типа и ионийской расписной амфорой, которую можно датировать второй четвертью — серединой VI в. до н. э. (Дьяченко и др. 1999: 96, рис. 5; Петренко и др. 2006: 397–398). Но нижняя граница памятников келермесского типа — тема отдельного большого исследования.

Литература

- Алексеев А. Ю. 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: ГЭ.
- Алексеев А. Ю. 2005. Предскифское зеркало из Саркела // Гуляев В. И. (ред.). Древности Евразии: от ранней бронзы до средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М.: Гриф и К, 161–166.
- Алексеев А. Ю. 2008. «Старшие» келермесские курганы // Деревянко А. П., Макаров Н. А. (ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. (II). М.: Гриф и К, 8–9.
- Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., ван дер Плихт И., Посснерт Г., Семенов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. 2005. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: Теза.
- Батчаев В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Абрамова М. П., Козенкова В. И. (ред.). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кеферов Б. М. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. — II в. н. э.). Нальчик: Эльбрус, 7–115.
- Вальчак С. Б. 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус.
- Вальчак С. Б., Синика В. С., Тельнов Н. П., 2011. Малоизвестный киммерийский комплекс на правом берегу Нижнего Днестра // Историко-археологический альманах 10, 38–43.
- Вишневская О. А. 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М.: Наука.
- Галанина Л. К. 1983. Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов) // АСГЭ 24, 32–55.
- Галанина Л. К. 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА 3, 156–165.
- Галанина Л. К. 1997. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф.
- Галанина Л. К. 1999. Ульский курган (раскопки Н. И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ 34, 58–67.
- Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. 1999. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ 2, 93–126.
- Зуев В. Ю. 1993. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в Европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р. Х. // ПАВ 6, 38–52.
- Иванчик А. И. 1996. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М.: Институт Африки РАН.

- Ильинская В. А.* 1968. Скифы днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка.
- Канторович А. Р.* 2007. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Мунчаев Р. М. (ред.). Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М. П. Абрамовой. М.: Таус, 235–257.
- Кисель В. А.* 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское Востоковедение.
- Клочко В. И., Скорий С. А.* 1993. Курган № 15 біля Стеблева у Пороссі // Археологія 2, 71–84.
- Козенкова В. И.* 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. М.: Наука (САИ В2-5).
- Коренько В. А.* 2001. Курган раннескифского времени у села Новозаведенное Ставропольского края // Абрамова М. П., Марковин В. И. (ред.). Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.: Гриф и К, 52–64.
- Маслов В. Е.* 2010. Фрагменты ионийских сосудов из кургана № 16 могильника Новозаведенное-II // Мунчаев Р. М. (ред.). Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 51–62.
- Махортых С. В.* 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка.
- Медведская И. Н.* 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА 3, 86–107.
- Могилев О. Д.* 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Ка'мянець-Подільський: ПП Мошинський В.С.
- Охонько Н. А.* 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования Ставропольского краевого музея 15–16, 243–291.
- Охонько Н. А., Петренко В. Г.* 1992. Раннескифский курган в г. Ставрополе // Чеченов И. М. (ред.). Тезисы докладов XVII Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Майкоп: Адыгея, 50–52.
- Петренко В. Г.* 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Мелюкова А. И. (ред.). Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, 60–81.
- Петренко В. Г.* 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* 2000. Хронология центральной группы могильников Новозаведенное-II // Гуляев В. И., Ольховский В. С. (ред.). Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология М.: ИА РАН; Старый сал, 238–248.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное-II (предварительная публикация) // Мунчаев Р. М. (ред.). Археологические памятники раннего железного века Юга России. М.: Гриф и К, 179–210.
- Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Мунчаев Р. М. (ред.). Древности скифской эпохи. М.: Гриф и К, 388–423.
- Пиотровский Б. Б.* 1950. Кармир-Блур I. Ереван: Издательство АН Армянской ССР.
- Сергацков И. В.* 1991. Погребение предскифского времени на Иловле // СА 2, 240–244.

- Скаков А. Ю., Эрлих В. Р.* 2005. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // В. И. Гуляев (ред.). Древности Евразии: от ранней бронзы до средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М.: Гриф и К, 201–227.
- Скорый С. А.* 1999. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев; Полтава: Издательский центр «Археология».
- Скорый С. А.* 2003. Скифы в днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев: ИА НАН Украины.
- Смирнова Г. И.* 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА 2, 101–118.
- Тереножкин А. И.* 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка.
- Членова Н. Л.* 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М: Наука.
- Эрлих В. Р.* 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука.
- Vammer A.* 1990. Pteropteros of the Geometric Period in the Artemision of Ethesus // Anatolian Studies XL, 137–160.
- Erlikh V. R.* 2010. Recent investigation of the Ul'ski kurgans // Nieling J., Rehm E. (eds.). Achaemenidian impact in the Black Sea Communication of Powers. Aarhus: DK, Aarhus University Press, 47–65.
- Hogarth D. G.* 1908. Excavations at Epthesus. The Archaic Artemisia. London: W. Clowes and son.
- Kerschner M., Schlotzhauer U.* 2005. A new classification system for East Greek pottery // Ancient West & East 4.1, 1–56.